

ЭССЕИСТИКА

DOI: 10.31857/S086919080000413-1

МАРКСИЗМ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

© 2018

Л.Б. АЛАЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
alaev_leonid@mail.ru“Была без радости любовь,
Разлука будет без печали”.

Резюме: В статье ставится вопрос об устарелости марксизма в целом как историческо-социального и политэкономического учения и при этом его изначальной неприменимости для изучения стран за пределами Западной Европы. Маркс, в этом следуя Гегелю, считал все общества Азии и России находившимися на последней стадии архаической общественной формации, характеризующейся наличием сельской общины и деспотической власти. Европоцентризм всей марксистской теории, одновременно претендовавшей на объяснение истории в глобальном масштабе, серьезно затруднял анализ истории и современного состояния стран Азии и Африки отечественными востоковедами.

Ключевые слова: Маркс, европоцентризм, труд, формации, классы, классовая борьба, Восток, капитализм, социализм.

Для цитирования: Алаев Л.Б. Марксизм и востоковедение. *Восток (Orient)*. 2018. № 4. С. 162–170. DOI: 10.31857/S086919080000413-1

MARXISM AND ORIENTAL STUDIES

Leonid B. ALAYEV

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia;
alaev_leonid@mail.ru

Abstract: Marxism as a theory of historical process now, 200 years after Marx's birth and 170 years after the publication of "The Communist Manifesto", seems an anachronism. It has not developed during all these years under the impact of changing social conditions and the achievements in various branches of humanities. Non-development of Marxism may be explained by the fact that from the very beginning it was not a scientific theory but an ideology of the hired working class. That class was destined to free all humankind and to finalize the prehistory of the humanity. Marxism turned the symbol of faith and obtained its own kind of Holy Scripture. The paper shows the obsolescence of Marxism as a historic-philosophical and politico-economic teaching, and its initial inapplicability for studies of countries outside Western Europe. Following Hegel, Marx considered all Asian societies as well as Russia as being at the last stage of the archaic social formation characterized by rural community and by despotic political regime. Marx did not formulate stages of history of Eastern countries, models of Asian and African societies and state-formations except the notion of so-called Oriental despotism. Eurocentrism, inherent in Marxian teachings, which simultaneously pretended to be the explanation of the global history, essentially hampered studies of history.

Keywords: Marx, Eurocentrism, labour, formations, classes, class struggle, the East, capitalism, socialism.

For citation: Alayev L.B. Marxism and Oriental Studies. *Vostok (Oriens)*. 2018. Pp. 162–170. DOI: 10.31857/S086919080000413-1

Марксизм как теория исторического процесса сейчас, через 200 лет со дня рождения Маркса и через 170 лет после публикации “Манифеста коммунистической партии”, представляется анахронизмом (ср.: [Захаров, 2018]), потому что в течение всех этих лет он практически не развивался под влиянием ни изменившихся социальных условий, ни успехов во всех направлениях гуманитарных наук. А не развивался он потому, что с самого начала был выдвинут не в качестве научной (т.е. объективной) теории, а в качестве идеологии рабочего класса, которому было суждено освободить человечество и завершить его “предысторию”. Марксизм стал символом веры, своего рода священным преданием, отраженным в Священном писании.

Марксизм сохранил еще с периода своего зарождения множество прорех с точки зрения построения социальной теории. основополагающая категория политэкономии марксизма – *производительные силы*, развитие которых будто бы определяет все движение человечества, – сведена Марксом и, в еще более гротескной форме, его последователями к *материальным производительным силам*, что предполагает самостоятельное совершенствование сначала камней, потом железа, а ныне – микрочипов. Совершенно не учитывается *мысль*, которая лежит в основе любого производства.

Соответственно, трудовая теория стоимости, определяющая стоимость товара количеством *абстрактного* труда (Бог знает, что это такое, ведь труд всегда *конкретен*), затраченного на его производство, схоластична и на практике неприменима. А главное – она не учитывает важнейший компонент производства – *творчество*. А также *качество* труда: заинтересованность или незаинтересованность работника в своем труде.

Учение об абсолютном и относительном обнищании пролетариата мало того что просто не подтвердилось в ходе истории, но было с самого начала непростительной теоретической ошибкой. Политэконом Маркс должен был понимать, что в рамках его концепции, сводившей желания предпринимателя к погоне за прибылью, товар нужно не только произвести, но и продать. А для этого необходим *платежеспособный спрос*. А для этого нужно, чтобы у рабочих были деньги. А для этого нужно поднимать зарплату. И вот дожили до жизни такой: в развитых странах в цене товара примерно 60% приходится на оплату труда!¹.

Что касается проблемы классов и классовой борьбы, то это не открытие Маркса, это еще **не марксизм**. Передам слово ему самому:

“Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном сообществе, ни та, что открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов* (выделено Марксом. – Л.А.)” [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 28, с. 424, 427 (1852)].

¹ Подробно эти вопросы (с соответствующими выдержками из работ классиков марксизма) освещены в работах автора: [Алаев, 2014; Алаев, 2018].

В.И. Ленин, которого никто не упрекнет в непонимании марксизма, выразил эту мысль еще более четко: только “тот марксист, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*” (выделено Лениным) [Ленин, ПСС, т. 33, 1969, с. 34].

Марксизм – это **отрицание любой иной борьбы, кроме классовой**. В этом состоит его узость и непрактичность для политологического анализа. Энгельс до конца жизни был уверен, что “всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов” [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 21, с. 259].

Существенным отрицательным фактором, искажавшим исследовательскую практику марксистов-востоковедов, был **европоцентризм**, пронизывающий весь строй мыслей классика. Марксова теория формаций отражала только и исключительно этапы эволюции (и революций) Западной Европы и не предназначалась к применению в отношении других континентов. Записав всю Азию (не говоря уже об Африке) в первобытную стадию истории человечества, Маркс считал, что этот вопрос решен: классовое общество и государственность начинаются с Афин², а история становится всемирной только после Великих географических открытий и формирования мирового рынка. В экономических рукописях 1857–1858 гг. он набрасывает тезис: “Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история – результат” [там же, т. 12, с. 736].

Вопреки расхожему мнению Маркс всю жизнь занимался не теорией капиталистической формации, а исключительно кругооборотом **капитала**. Понятно, что и свой главный труд он озаглавил не “Капитализм”, а “Капитал”. Его интересовал лишь анализ *некоторых эксплуататорских черт, свойственных раннему капитализму*. Маркс был занят изучением не производства товаров и услуг, не экономической системы в целом, а только лишь механизмом производства прибавочной стоимости. Поэтому и *производительный труд* для него – только **наемный** труд, производящий прибавочную стоимость. Если же работник трудится не по найму, а просто делает что-то для себя или на продажу – его труд непроизводителен [там же, т. 26.I, с. 133–166]! Таким образом, данный автор откровенно сообщает нам свой *угол зрения* и формулирует ту задачу, которую он перед собой поставил. По-моему, подобный угол зрения весьма оригинален.

Отсюда же – полное отрицание труда организатора производства, предпринимателя, капиталиста и необходимости оплаты этого труда. Сейчас труд менеджера общепризнан. Но это не значит, что два века назад он не существовал. Очень может быть, что прибыль предприятия распределяется несправедливо и менеджмент оплачивается чересчур щедро. Но чтобы перераспределить прибыль в интересах всего общества, может быть, достаточно крепких профсоюзов и забастовочного движения, а не революций? Практика западных стран показывает, что да, этого достаточно.

Система капитализма невозможна:

- без торговли (торгового капитала),
- без докапиталистической периферии (колониальной системы),
- без сферы услуг и мелкого производства, которые Марксом рассматриваются как “низшие формы” капитала или даже как докапиталистическое ремесло.

Все эти аспекты Маркс оставляет в стороне.

² Вспомним, как лихо Ф. Энгельс, представляя свой вариант “происхождения семьи, частной собственности и государства”, прыгнул от родового строя ирокезов (изложенного по Г.Л. Моргану) к “греческому роду”, а затем сразу и к “возникновению афинского государства” [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 21, с. 86–119].

Если же капитализм – это формация, то для его понимания необходимо исследовать и надстройку (если употребить марксистскую терминологию). Маркс же считал, что те части *экономики*, которые непосредственно не производят прибавочной стоимости (работы художников, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов), “могут быть оставлены совершенно без внимания” [там же, т. 26.I, с. 421].

С точки зрения востоковедов, молчание Маркса по поводу значения внешней торговли особенно одиозно, но сам Маркс объясняет свое молчание вполне откровенно: “Чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства” [там же, т. 23, с. 594]. Востоковеды особенно хорошо знают, что *торгующий мир* крайне разнообразен и включается в мировую торговлю на разных условиях. Нельзя было лучше разъяснить, чем это удалось автору, что его теория, представленная в “Капитале”, не годится для практического использования при анализе экономики колониализма и развивающихся стран, капитализм в которых еще не укрепился и не овладел всеми отраслями производства. Экономисты-востоковеды вынуждены были анализировать ситуацию в изучаемых странах, пользуясь теорией, которая для этого не была предназначена. Понимая *капитализм* как именно фабричное производство, они вынуждены были записывать всю остальную экономику азиатских стран в некапиталистические уклады, размышлять о *дуальности*, о *синтезе*, “*исчерпании синтеза*” и т.п. Таким образом, Маркс и не собирался распространять открытые им, как он полагал, законы истории на весь мир. Его подход к Востоку точно укладывается в понятие *ориентализма*, как его определил Э. Саид³.

Из перечисленных выше кардинальных слабостей теории вытекают и многие иные ошибки, совершенные верными последователями классиков в ряде стран, в том числе и в нашей стране.

Но я сейчас не об этом. Пожалуй, нет среди идей Маркса и Энгельса более глубокого заблуждения, чем их понимание (т.е. *непонимание*) современного, а также, конечно, и исторического Востока. Как это было можно – **не увидеть** классов в империях Османов, Каджаров, Цин, да и в завоеванной британцами Индии? Как можно было счесть *первобытной* индийскую сельскую общину? Как можно было назвать “коммунистическими” яванскую *десу* и русскую общину крепостных крестьян [там же, т. 21, с. 160; т. 22, с. 444; т. 26.III, с. 439; т. 36, с. 78, 96, 97; т. 38, с. 265; т. 39, с. 33, 128–130, 344, 375; т. 46.II, с. 394]? Как можно было отрицать очевидность, называя процветавшие города доколониального Востока “бродячими лагерями”, “государевыми станами”, “наростами на экономическом строе в собственном смысле”? [там же, т. 46.I, с. 456–457, 464, 470].

А вот как. Маркса иногда ослепляла его собственная теория. По теории, история человечества должна была начинаться с общины. Прочитав несколько книг об Индии и узнав из них, что там в британских владениях обнаружена сельская община, в которой живут как земледельцы, так и ремесленники, он решил, что элементарная клеточка всей истории найдена, что это и есть “*нерасчлененное единство города и деревни*”, и выстроил “вертикаль”: община восточная–античная–германская.

В этот момент (1858) господствовало мнение, что германские племена жили хуторами и общинные связи между ними были слабы. Это мнение и нашло свое отражение в рукописи, которая в собраниях сочинений названа составителями и редакторами “Формы, предшествующие капиталистическому производству” [там же, т. 46.I, с. 461–508].

³ Концепция Э. Саида в последние годы усиленно изучается и критикуется, так что я не буду ее излагать. См. сборник: [Ориентализм..., 2016], посвященный этому вопросу.

Позже (1868) Маркс узнал, что древние германцы тоже жили общинами, владели землей сообща, существовал передел земельных участков, и он даже сохранился до начала XIX в. на его родине – в Трирском округе⁴. Тогда он стал излагать теорию общины по-другому: индийскую, германскую и русскую он отнес к единому этапу – к “последней стадии архаической общественной формации”⁵, а прежние свои взгляды на древнегерманскую общину он назвал “идиотским воззрением вестфальских юнкеров” [там же, т. 32, с. 36].

Для нашей темы важно отметить, во-первых, что взгляды Маркса на стадии эволюции общины менялись, нельзя объединять в единое целое его взгляды 1858, 1868 и 1881 гг.; во-вторых, они во всех случаях базировались на весьма шатком источниковом фундаменте.

Противоречия в своей трактовке Востока Маркс, конечно, понимал. Это “коммунистическая” община и *отсутствие классов* – и *государство*, которое, по марксистскому же определению, есть орудие в руках господствующего класса; это *отсутствие* частной собственности, господство общинной собственности, или даже “состояние отсутствия собственности” и государственная *собственность* на землю, рассмотрение налога как ренты за землю (категория ренты-налога) [там же, т. 46.I, с. 354]; это *отсутствие* города как экономического явления и признание городов “там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд” [там же, т. 46.I, с. 464]. Таким образом, признаются *внешняя торговля*, а также превращение *доходов*, т.е. ренты, в *рабочий фонд*, т.е. организация некоторого *производства* в городах.

Маркс не обращал внимания на противоречия в формулировках, потому что весь этот сюжет насчет Востока находился на обочине его основных размышлений. Но некоторые его последователи, “ослепнув” в отношении Марксовых *первобытных* характеристик Востока, восприняли только то из его высказываний, что противоречило самой концепции азиатского способа производства (АСП), и пытаются вставить этот способ в схему в качестве первой эксплуататорской формации, долженствующей предшествовать рабовладению⁶.

Другая тенденция в советском и постсоветском востоковедении: об АСП просто забыть и найти на Востоке те же формации, которые сменялись на Западе. Представления Маркса о традиционном Востоке как о первобытном обществе – ввиду их явственной абсурдности – были тихо отодвинуты в сторону, и советские историки-востоковеды стали усиленно “натягивать” европейские одежды на азиатские “тела”. Было потрачено много усилий, чтобы обосновать существование рабовладельческой формации на Древнем Востоке и феодальной формации (в виде “восточного феодализма”) в Средние века, на настойчивые поиски аналогий между западными и восточными институтами. Доходило до того, что отрицание рабовладельческого способа производства в древности могло привести к оргвыводам (в 1930-е гг. – к аресту, в 1940-е гг. – к увольнению). Теория требовала также выяснения вопроса о перспективах капиталистического развития стран Востока. Начались безуспешные поиски *зачатков капиталистических отношений* в Индии, в Китае и даже в Бирме и Малайе.

⁴ Позже эта точка зрения тоже была опровергнута, но это к нашей сегодняшней теме не относится. Весь этот сюжет подробно изложен в: [Алаев, 2016, с. 28–34, 42–49].

⁵ Эта концепция изложена Марксом в набросках письма В. Засулич в 1881 г. [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 19, с. 400–421].

⁶ Наиболее полно социально-экономическую сторону концепции АСП представил Ю.И. Семенов [Семенов, 2008]. Он переименовал АСП в “политарный способ производства”, а соответствующую формацию – в *политаризм*. Иной, культурно-исторический, подход демонстрирует Е.Б. Рашковский [Рашковский].

По иронии судьбы вся эта *европеизация* истории Востока проходила под аккомпанемент цитат из Маркса и Энгельса, которые рисовали Восток как царство первобытности. Полная неприменимость взглядов Маркса на Восток все более выяснялась, однако об этом невозможно было сказать в печати, особенно в учебниках. Студентам преподавалась традиционная схема формаций, будто бы единых для всех стран. Так что новые поколения исследователей приступали к научной работе, имея теоретический багаж на уровне XIX в.

Что касается рабовладения, то сторонники этой точки зрения так и не смогли убедить коллег, что азиатская древность типологически и стадияльно соответствовала античности. А в последнее время, когда и античники поставили под сомнение господство рабовладельческого способа производства в самих Греции и Риме, концепция рабовладельческой формации на Востоке совсем умерла.

Что касается феодализма, тут ситуация оказалась сложнее. Дело в том, что общества раннего Средневековья в Европе и общества традиционного Востока оказались внешне схожими. Настолько, что Л.С. Васильев даже высказал идею об “*ориентализации*” Западной Европы после падения Западной Римской империи и наплыва варваров [Васильев, 2007, I, с. 445; II, с. 33, 34, 37, 44, 447].

Автор данной статьи сам отдал немало сил поискам сходства общественных структур Запада и Востока (в соответствии с моей компетенцией – в Средние века). Я в свое время был уверен, что стоит работать лишь в пределах марксистской парадигмы. Стремясь понять, насколько “*восточный феодализм*” схож с марксистской теоретической моделью феодальной формации, я собрал все высказывания Маркса о феодализме, Средних веках, крепостничестве и т.п. и получил ту модель, которой пользовался Маркс, когда рассуждал об этих категориях. Оказалось, что эта картина во многом отличается от той, которая в ходу у современных медиевистов. В формулировках Маркса отражено то в средневековой Европе, что принципиально противостояло капитализму, и довольно тщательно убрано все то, что капитализму не противостояло, а было им в дальнейшем в той или иной степени использовано. То есть, он представлял себе феодализм как строй, антагонистичный капитализму, рисовал его, если можно так выразиться, *от противного*. Это была ходовая схема, а не обобщение конкретного средневекового материала (см.: [Алаев, 1987]; перепечатано в: [Алаев, 2000, с. 523–537]). Другими словами, выявление теоретической марксистской *модели* феодализма ничего не дает для понимания сходства/различия конкретных обществ, существовавших на просторах Евразии в период, который мы называем Средними веками.

Выработка концепции *восточного феодализма* встречала, таким образом, значительные трудности. Каждый из востоковедов-медиевистов или индологов, обращавшихся к предколониальному периоду (И.М. Рейснер, К.А. Антонова, В.И. Павлов, К.З. Ашрафян, А.И. Чичеров, А.П. Колонтаев, Л.Б. Алаев), работал в одиночку, вырабатывая свое понимание этой категории, учитывая при этом и фактический материал, и теорию марксизма как целое, и высказывания Маркса непосредственно по Востоку, и соображения политкорректности. Мне кажется, что их усилия, несмотря на то, что сейчас они представляются тщетными, не заслуживают глумливого отношения, особенно если критик собственной теории не имеет⁷.

Я не против сравнения западных и восточных обществ и нахождения в них как общих, так и специфических черт. Но нужно учитывать, что Восток и Запад не соревнуются в беге по одной дорожке. После возникновения античности их дороги разошлись,

⁷ Имею в виду работы А.И. Фурсова [*Капитализм...*, 1995, с. 26–28; Фурсов, 1987]. Я ответил на эту запугательскую критику почти всех индологов хохом, показав ущербность историографического метода А.И. Фурсова. См.: [Алаев, 1996; Алаев, 2000, с. 540–543].

правда оставаясь одно время в пределах некоей общности, которую можно назвать *традиционным обществом*. Западу удалось преодолеть вязкую природу традиционного общества, Востоку – не удалось, что, конечно, объясняется качествами этой *традиционности*. Называть это общество феодальным или же изобрести иное обозначение – зависит от того, каким содержанием мы наполним этот термин. Если мы понимаем феодализм через призму *крепостничества*, мы его на Востоке не найдем. Если считать главнейшим признаком феодализма *систему вассалитета* (“вассал моего вассала – не мой вассал”)⁸, то “феодализм” тоже окажется очень узким по содержанию понятием, которое нельзя прилагать к всемирной истории. Такой же результат получим, если будем считать, что феодализм – это такой общественный строй, из которого должен вырастать капитализм.

Использование для характеристики традиционного Востока выражения “азиатский способ производства” (АСП) неудачно по нескольким причинам. Во-первых, это кража чужого термина без того содержания, которое в него вкладывал его автор. Как говорили выше, Маркс так однажды обозначил первую стадию истории человечества, которую он в дальнейшем называл архаическим обществом, или родовым строем и т.п. Во-вторых, *способ производства* – это термин из марксистской теории формаций, т.е. из парадигмы, которую большинство нынешних азиатчиков не признает и не приемлет. Наконец, в-третьих, сама концепция АСП не разрабатывается и остается только звонким выражением. Это *азиатский способ уйти от проблемы*.

В результате знания наших историософов о Востоке и об общине застыли на уровне середины позапрошлого века. До сих пор встречаются в работах самого разного уровня и тематики фразы об “индийской крестьянской общине”, которая “переживала расцвет и гибель империй, оставаясь почти прежней” [Гринин, 1995–1996, I, с. 53; II, с. 64; III, с. 39, 77, 79]. До сих пор рукопись Маркса “Формы, предшествующие...”, не предназначавшаяся им для печати и потом, как я показал выше, им отвергнутая, служит основой великомудрых теорий исторического процесса [Фурсов, 2012, с. 77–79].

Применение Марксовой модели капитализма к неевропейским странам, анализ экономических систем, возникавших и возникающих в бывших колониях, а ныне “развивающихся” странах, также встречало множество трудностей. Впрочем, учитывая, что, как было показано выше, Маркс не предлагал свою теорию для обществ за пределами Западной Европы, счет за эти трудности следует предъявить не автору теории, а его ученикам и последователям. Это они приняли Марксовы схемы за зеркальное отражение (вспомним “теорию отражения” Ленина) исторической реальности и стали искать на Востоке аналоги западноевропейских институтов и социальных групп.

Приложили, скажем, к Востоку схему постепенной эволюции производства “простая кооперация–мануфактура–фабрика” и пришли к выводу о “нарушении закономерной последовательности” смены этих форм. Увидели, что не наблюдается никакого *мануфактурного периода* – и стали говорить об “искажении” нормального процесса генезиса капитализма, о возникновении фабрики “на голом месте”. Увидели большое разнообразие форм наемного и ненаемного труда – и стали “структурировать” экономическую реальность, разводя ее по разным “укладам”, разрушая тем самым *общую картину* системы экономических и неэкономических отношений изучаемых стран. Наконец, усвоенное через марксизм представление об однолинейности исторического процесса (“ныне развивающиеся страны... пройдут эволюцию, которая пройдена развитыми странами” [Акимов, Яковлев, 2012, с. 71; см. также с. 166, 167, 199]), сталкивается с поисками “иного пути развития” [там же, с. 6], с надеждами на “сохранение цивилизационной идентичности” [там же, с. 209], на выработку этими странами собственной “модели развития” [там же, с. 177, 206].

⁸ Для ясности: во многих странах Европы мы системы вассалитета тоже не найдем.

Я здесь не оцениваю по содержанию работу советских и постсоветских востоковедов-экономистов, я стремлюсь только показать, что они испытывали трудности, связанные с усвоенными в свое время марксистскими схемами. Относящаяся к этому же направлению идея *синтеза* современного и традиционного обещала освобождение от марксистской скорлупы, однако усвоенная в юности однолинейная парадигма победила: авторы идеи стали говорить об “изживании синтеза” [Эволюция..., 1984, с. 104–295], т.е., по существу, свели вопрос к обычному для нас вытеснению старого новым.

С дальнейшим развитием мировой экономической системы, с развертыванием глобализации, с появлением новой реальности, названной, за неимением иного термина, *постиндустриализмом*, с расслоением Третьего мира на успешные, менее успешные и провальные страны неадекватность нашего теоретического багажа стала ощущаться все более остро. Наш исследовательский аппарат нуждается, по крайней мере, в расширении. Категории *капитализм, социализм, постиндустриализм, империализм* теряют свои аналитические возможности. Необходимо сбросить шоры марксизма, постараться разять его объятия и приступить к выработке новой теории исторического процесса, которая была бы в состоянии объяснить современный многоаспектный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимов А.В., Яковлев А.И. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М.: Изд-во МГУ, 2012 [Akimov A.V., Yakovlev A.I. *Civilizations in the 21st century: problems and perspectives of development*. Moscow: MGU Publishing house, 2012 (in Russian)].

Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток. *Народы Азии и Африки*. 1987, № 3. С. 78–90 [Alayev L.B. Formational features of feudalism and the East. *Narody Azii i Afriki*. 1987, No. 3. P. 78–90 (in Russian)].

Алаев Л.Б. Рец. на: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. *Восток (Oriens)*. 1996, № 5. С. 201–210 [Alayev L.B. Rev. on: Capitalism in the East in the second half of the 20th century. *Vostok (Oriens)*. 1996, No. 5. P. 201–210 (in Russian)].

Л.Б.Алаев: *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит., 2000 [L.B. Alayev: *Community in his life. A history of several research ideas in documents and materials*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000 (in Russian)].

[Алаев Л.Б.] *Марксизм. Теория и методология истории: учебник для вузов*. Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014 [Alayev L.B. *Marxism. The theory and methodology of history: a text-book for higher education*. Ed. by V.V. Alexeyev, N.N. Kradin, A.V. Korotayev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel, 2014. P. 55–89 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю»*. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. Moscow: ЛЕНАНД, 2016 [Alayev L.B. *Rural community: “A novel, inserted into history”*. A critical analysis of theories of community, of historical evidences of its development and its role in a stratified society. Moscow: LENAND, 2016 (in Russian)].

Алаев Л.Б. Основные ошибки Маркса как политэконома. *Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 31–41 [Alayev L.B. The main mistakes of Marx as a politico-economist. *The Contemporary history of Central Asia: problems of theory and methodology*. Moscow: IV RAN, 2018. P. 31–41 (in Russian)].

Васильев Л.С. *Всеобщая история. В 6 тт.* Т. 1. Древний Восток и античность. Т. 2. Восток и Запад в Средние века. Учебное пособие. Москва: Высшая школа, 2007 [Vasilyev L.S. *The General History in 6 vols. Training application*. Vols. 1–2. Moscow: Vysshaya Shkola, 2007 (in Russian)].

Гринин Л.Е. *Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества*. Ч. I–III. Волгоград: Учитель, 1995–1996 [Grinin L.E. *The philosophy and sociology of history: some regularities of the history of the humanity*. Pts I–III. Volgograd: Uchitel, 1995–1996 (in Russian)].

Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Вост. лит., 1995 [Capitalism in the East in the second half of the 20th century. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Захаров А.О. Восток, марксизм и маргинализм: заметки постороннего. *Восток (Oriens)*. 2018. № 1. С. 6–12 [Zakharov, Anton O. The Orient, Marxism, and Marginalism: A Stranger's Notes. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 1. Pp. 6–12 (in Russian)].

Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 33. М.: Госполитиздат, 1969 [Lenin V.I. *The Complete works*. Vol. 33. Moscow: Gospolitizdat, 1969 (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1–50. М.: Госполитиздат, 1955–1981 [Marx K. and Engels F. *Works*. Second edition. Vols. 1–50. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1981 (in Russian)].

Ориентализм vs. ориенталистика. Сб. статей. М.: Садра, 2016 [*Orientalism vs. orientalistics*. Collection of articles. Moscow: Sadra, 2016 (in Russian)]

Рашковский Е.Б. “Азиатский способ производства” как историографическая проблема. *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. В честь С.О. Шмидта*. М., 2002. С. 403–405. [Rashkovsky E.B. “Asiatic mode of production” as a historiography problem. *Source-studies and historiography in the world of humanitarian knowledge. In honour of S.O. Shmidt*. Moscow, 2002. P. 403–405 (in Russian)].

Семенов Ю.И. Политарный (“азиатский”) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. *Философски-исторические очерки*. М.: Волшебный ключ, 2008 [Semyonov Yu.I. *Politarian (“Asiatic”) mode of production: its essence and place in the history of mankind and of Russia. Philosophico-historical sketches*. Moscow: Volshebnny kluch, 2008 (in Russian)].

Фурсов А.И. Восточный феодализм и история: критика одной интерпретации. *Народы Азии и Африки*. 1987, № 4. С. 93–109 [Fursov A.I. The Eastern feudalism and history: a critical review of one interpretation. *Narody Azii i Afriki*. 1987, No. 4. Pp. 93–109 (in Russian)].

Фурсов А.И. Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории. *Обозреватель*. 2012, № 6. С. 69–89; № 7. С. 76–98 [Fursov A.I. The peasantry: problems of social philosophy and social theory. *Obozrevatel*. 2012, No. 6. Pp. 69–89; No. 7. Pp. 76–98 (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984 [*Evolution of Eastern societies: synthesis of tradition and contemporainity*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛАЕВ Леонид Борисович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Leonid B. ALAYEV – Dr.Sc. (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.
---	---